

Устройство и деятельность университетского студенческого представительства в современной России

Д. Б. Ефимов

Статья поступила
в редакцию
в июне 2021 г.

Ефимов Дмитрий Борисович — ведущий аналитик Центра внутреннего мониторинга, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: 109028, Москва, Покровский б-р, 11. E-mail: defimov@hse.ru

Аннотация

Выстраивание механизмов, позволяющих сделать эффективным студенческое представительство, становится сегодня одной из ключевых задач управления высшим образованием. В статье на материале исследования практик 50 ведущих российских вузов — федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, участников Проекта «5–100» и университетов, попавших в международный рейтинг QS по состоянию на лето-осень 2020 г., — раскрываются и обобщаются сложившиеся в российских университетах к рубежу 2020-х годов практики студенческого представительства, часто называемого студенческим самоуправлением. Выделены основания формирования студенческих объединений — структурных частей органов студенческого представительства: академические единицы, тематические союзы студентов, профсоюзные организации, общестуденческие, персональные команды руководства органов студенческого представительства. Рассматриваются ключевые типы деятельности органов студенческого представительства: административное взаимодействие внутри университета и соуправление им, информирование студентов и публичное взаимодействие с ними, а также организация культурно-массовых мероприятий для студентов. Функциями студенческого представительства в рамках соуправления университетом чаще становятся выполнение требований федерального закона по локальным нормативным актам и дисциплинарным взысканиям, формальное участие в работе коллегиальных внутренних органов управления вузом, чем реальное представительство интересов студентов в разработке управленческих решений по образовательным, социально-бытовым, стипендиальным вопросам. Управленческая повестка российских органов студенческого представительства, таким образом, значительно сильнее зависит от университетов и их администраций, чем от самих студентов.

Ключевые слова

студенческое представительство, студенческое самоуправление, студенческие советы, студенческие профсоюзы, студенческие организации.

Для цитирования

Ефимов Д. Б. (2021) Устройство и деятельность университетского студенческого представительства в современной России // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 74–96. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-74-96>

The Structure and Activities of Student Representative Bodies in Modern Russian Universities

D. B. Efimov

Dmitry B. Efimov, Leading Analyst, Centre for Institutional Research, National Research University Higher School of Economics. Address: 11 Pokrovsky Blvd, 109028 Moscow, Russian Federation. E-mai: defimov@hse.ru

Abstract One of the key objectives in higher education governance today is to establish mechanisms for effective student representation. This paper, based on a study of the practices of 50 leading Russian universities—federal universities, national research universities, Project 5–100 universities, and universities included in the QS World University Rankings as of summer–fall 2020—reveals and summarizes the key practices of university student representation (often referred to as student self-governance) existing in Russia at the turn of the 2020s. The following origins of institutional arrangements for student representation are identified: academic units, thematic clubs, student unions, dormitories, and personal teams of student leaders. The major types of student representation activities analyzed in the article include participation in shared governance, provision of information to other students and engagement in public interactions with them, and organization of mass cultural events for students. Most often, functions associated with shared university governance are restricted to formal membership in university boards and fulfillment of federal law requirements regarding local regulations and disciplinary action, rather than actual representation of students' interests in university decision making on educational, social, and scholarship issues. Therefore, the governance agenda of student representatives is shaped much more by universities and their administrators than by students themselves.

Keywords shared governance, student associations, student councils, student governments, student participation in university governance, student representative bodies, student unions.

For citing Efimov D. B. (2021) *Ustroystvo i deyatel'nost' universitetskogo studencheskogo predstavitel'stva v sovremennoy Rossii* [The Structure and Activities of Student Representative Bodies in Modern Russian Universities]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 74–96. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-74-96>

Роль студентов в системе высшего образования и пределы ее изменения — темы научных и управленческих дискуссий, не прекращающихся уже несколько десятилетий [Brooks, 2018]. В рамках этих дискуссий обсуждаются «маркетизация» высшего образования и его установка на удовлетворение потребностей студента как клиента, формирование инклюзивных университетских сообществ, объединяющих студентов наравне или почти наравне с преподавателями. В последние годы участники этих обсуждений много внимания уделяют онлайн-образованию и особенностям статуса студента в цифровых средах [Ефимов, 2020]. Но одним из ключевых направлений дискуссий были

и остаются те институты и практики, посредством которых студенты реализуют свое участие в университетском управлении [Klemencic, 2014], — то, что называют органами студенческого представительства, или студенческого самоуправления: студенческие советы, союзы, правительства и др.

Российский опыт создания и функционирования таких институтов особенно интересен по двум причинам. Во-первых, эти институты формируются и действуют в совершенно особом институционально-историческом контексте, заданном переплетением опыта советского прошлого, ценностей современного российского общества и актуальных целей и задач государственной молодежной политики. Во-вторых, в отличие от других стран, в России этим институтам уделяется критически мало внимания исследователей и полностью отсутствуют систематические обобщения имеющихся данных [Ефимов, 2020].

Целью данной статьи является описание механизмов формирования и направлений деятельности органов студенческого представительства в российских университетах. В качестве эмпирической базы исследования используются открытые информационные источники с официальных интернет-сайтов 50 ведущих российских университетов и материалы проведенных в феврале-марте 2021 г. полуструктурированных интервью с представителями студенческих советов и объединенных советов обучающихся в 25 ведущих российских университетах.

Статья состоит из пяти разделов. В первом представлен критический обзор российских и зарубежных исследований систем студенческого представительства. В нем также дается краткое описание специфики российского кейса с институционально-исторической точки зрения. Во втором разделе описаны методология и дизайн эмпирического исследования. В третьем и четвертом представлены результаты: сведения о том, как формируются органы студенческого представительства и как функционируют. Наконец, в последнем разделе фиксируются выводы, а также намечаются потенциальные направления новых исследований.

**Современное
состояние
исследований
студенческого
представительства**

В широком смысле для системы образования студенческое представительство — часть системы распределенного управления (*shared governance*) университетом, позволяющая ключевым стейкхолдерам, в том числе студентам, участвовать в выработке, формулировании, согласовании, принятии и/или имплементации управленческих решений разного уровня [Rowlands, 2017]. В научных дискуссиях об университетском управлении именно вовлечение в него сообществ — преподавательского, научного, административного, студенческого — является одной из ключе-

вых тем [Розовски, 2015]. Студентам в рамках этих общих дискуссий уделяется сравнительно мало внимания. Студенческое представительство составляет отдельную исследовательскую область, в которой оно анализируется комплексно: как феномен социализации студентов, их ценностного развития, как часть молодежной политики, а не только как управленческое явление [Boland, 2005].

Применяемая в данной области исследований и практики терминология имеет в России определенную специфику. Наиболее часто используется понятие «студенческое самоуправление», соотношение которого с термином «студенческое представительство» можно представить как пересечение двух разных множеств: если студенческое представительство включает все возможности студентов институционально быть задействованными в управлении университетом, то студенческое самоуправление в том смысле, который заложен государственной образовательной политикой, объединяет разнообразные механизмы студенческой самоорганизации по интересующим студентов вопросам, стимулируемой университетом в рамках его воспитательной политики: инициативные студенческие организации, клубы, отряды, специальные группы организаторов значимых для университета мероприятий и др. Естественным образом на пересечении двух понятий оказывается деятельность специально сформированных представительных органов студенчества, но помимо них есть как примеры студенческого представительства без самоуправления (прямое включение студентов в органы управления университетом без разницы в статусах и принадлежности к разным «корпорациям»), так и студенческого самоуправления без представительства (различные примеры студенческой самоорганизации и связанной с этим воспитательной политики университета, никак не соприкасающиеся с принятием или исполнением решений об университетском управлении). Далее мы в основном ведем разговор о системах студенческого представительства, пересекающихся со студенческим самоуправлением, — о представительных органах, специально сформированных для студентов.

В разных регионах мира сложились свои традиции исследований студенческого представительства. Довольно продолжительная история соответствующих исследований прослеживается в англосаксонских странах [Raaper, 2020], несколько меньше — в некоторых странах Азии и Африки [Luescher-Mamashela, Mugume, 2014], а также континентальной Европы [Klemencic, 2012]. При этом если для англосаксонских стран более характерно рассмотрение конкретных университетских кейсов, то в других регионах довольно много обобщающих работ и исследований, проведенных на национальном уровне. Есть и гло-

бальные (наднациональные, обобщающие на мировом уровне) исследования студенческого представительства и механизмов его работы [Klemencic, 2014; Brooks, Byford, Sela, 2015b; Brooks, 2018; Klemencic, 2020a].

Основным для нас выводом из всех упомянутых исследований является фундаментальная роль двух факторов: национальной (обусловленной внешними обстоятельствами, в которых существуют система образования, университеты и студенты) и университетской (обусловленной задачами и целями образовательной организации, интенциями ее сообщества и ее руководства) специфик. Именно эти факторы определяют, как в итоге функционирует система студенческого представительства в разных ее проявлениях.

Примером национальной специфики условий существования образовательной системы может служить рыночная реформа высшего образования в Великобритании в 2010-е годы, которая предопределила многие аспекты деятельности студенческого представительства и студенческого активизма, выходящего за рамки институционализированного представительства. Национальная политика непосредственно в отношении студенческого представительства может выражаться в разной степени институционализации и признания, которые государство закрепляет за соответствующими органами: от жесткой централизации и формализации всей системы до полного непризнания ее существования — со множеством промежуточных состояний [Klemencic, 2012]. Более того, во многих странах невозможно провести четкую грань между участниками студенческого представительства и другими общественными активистами: студенческая активность либо непосредственно существует с вовлечением в социально-политические кампании по другим вопросам, либо впоследствии переходит в них [Klemencic, 2020b].

Университетскую специфику задают, во-первых, институциональный статус конкретного университета, во-вторых, позиция и политика его руководства, в-третьих, состояние самого студенческого сообщества. Под институциональным статусом университета в мировой практике чаще всего имеется в виду государственный и частный характер учебного заведения [Lewis, Rice, 2005], но линии разграничения этим отнюдь не ограничиваются. Позиция и политика руководства — это выбор предпочитаемой логики или сочетания разных логик взаимодействия, а также университетского стиля коммуникации и принятия решений. На практике выбор политики и логики взаимодействия просто означает определенное позиционирование: студенты предстают либо как заведомо неравноправные участники сообщества, не имеющие своей субъектности и нуждающиеся в за-

боте (традиционно-патерналистский подход), либо как необходимый по формальным основаниям этап согласования части решений (формально-бюрократический подход), либо как полезные участники разработки и реализации определенных типов решений (рационально-экономический, или корпоративно-менеджеральный, подход), либо как полноправные участники сообщества, чье мнение заслуживает уважения (сообщественно-политический подход) [Klemencic, 2014]. Состояние самого студенческого сообщества характеризуется, с одной стороны, его ролью в университете (студент как потребитель услуги, студент как участник сообщества или иное [Luescher-Mamashela, 2013]), с другой — его вовлеченностью в дела университета, внутренней гомо- или гетерогенностью по разным признакам, распространенностью в нем тех или иных взглядов, характеристик [Brooks, Vyford, Sela, 2015a].

В России в советское время функции студенческого представительства в ограниченном объеме выполняли профсоюзы и комсомол, которые были, по сути, «приводными ремнями» власти, и эта практика создала «колею зависимости» на будущее. В государственной образовательной политике постсоветского периода можно проследить некоторую цикличность интереса к студенческому представительству со значимыми вехами в 2001–2002 гг., в 2006–2007 гг., когда темой активно занималось профильное министерство, ориентируясь на подведомственные вузы, и в 2012–2014 гг., когда статус студенческих советов как представительных органов обучающихся был официально закреплен в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ и, выйдя за рамки предписаний министерства, распространился и на неподведомственные ему вузы. После принятия закона в университеты были разосланы письма профильного министерства с более подробно, чем ранее, сформулированными рекомендациями по формированию соответствующих органов², появился уполномоченный по правам студентов³. Впрочем, до формирования общенационального органа студенческого представительства дело не дошло. Другим трендом государственной политики в этот период стал переход к адресной поддержке ведущих университетов (например, Проект «5–100»). Он не связан напрямую со студенческим представительством, но некоторые авторы полагают, что

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

² Письмо Минобрнауки России от 14.02.2014 № ВК-262/09 «О методических рекомендациях о создании и деятельности советов обучающихся в образовательных организациях». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159460/

³ <https://iz.ru/news/542048>

одной из его целей было предотвращение формирования в университетах оппозиционной по отношению к правительству студенческой среды [Forrat, 2016]. Впрочем, такое предположение оспаривают другие исследователи [Chirikov, 2016]. Наследие советского периода и радикальные преобразования последних десятилетий создают совершенно особую среду развития студенческого представительства в России.

В научной литературе тема студенческого представительства в России пока во многом представляет собой фронтир: существуют лишь единичные исследования, чаще всего ограничивающиеся либо конкретным кейсом, либо фиксацией статистики общего характера, либо формально-юридическим рассмотрением вопроса. Среди имеющихся работ следует выделить доказательный анализ обусловленности многих практик студенческого представительства традициями советского периода в рамках глубинного качественного исследования, посвященного деятельности студенческих профсоюзов [Chirikov, Gruzdev, 2014], а также несколько публикаций, основанных на опросах студентов или участников органов студенческого представительства, в том числе на материалах специальных переписей и рэнкингов советов обучающихся [Попов, 2009; Стегний, 2016; Фатов, Куликов, Саруханян, 2018]. Для оценки практик студенческого самоуправления важен также опыт их правового анализа [Шаламова, Фатов, 2014; Фатов, Матвиенко, 2016]: в этих работах довольно подробно рассматривается адаптация имеющихся методических рекомендаций и примерных образцов документов от профильного министерства, анализируется правовая, в том числе судебная, практика, а также предлагается несколько мер по нормативному и регуляторному закреплению успешных практик. При рассмотрении темы студенческого представительства необходимо привлекать материалы выполненных тематическими общественными организациями рэнкингов, переписей и основанных на них аналитических отчетов⁴.

В данном исследовании с опорой на качественные эмпирические данные будет проанализирована реально существующая структура органов студенческого представительства в российских университетах. С учетом имеющихся сведений о нацио-

⁴ Всероссийская перепись советов обучающихся: https://studorg.ru/assets/media/Materialy_po_itogam_perepisi.pdf; Студсовет НИТУ «МИСиС» — победитель первого в России рэнкинга студсоветов: <https://misis.ru/university/news/life/2016-12/4348/>; Сводный аналитический отчет о состоянии органов студенческого самоуправления в Российской Федерации (2018): https://studorg.ru/assets/media/image/SSU/Tvoyvibor/Analiticheskiy_otchet_o_sostoyanii_OSSU.pdf

нальном и университетских контекстах представлены некоторые суждения о факторах, обусловивших то или иное состояние органов студенческого представительства.

**Методы
и данные**

Для анализа органов студенческого представительства сформирована выборка ведущих российских университетов, в которую вошли вузы с особым статусом: федеральные университеты, национальные исследовательские университеты, университеты — участники Проекта «5–100» и университеты, попавшие в международный рейтинг QS по состоянию на лето-осень 2020 г. Характер выборки накладывает ограничения на интерпретацию результатов. Невозможно отрицать потенциальную специфику отдельных регионов или отдельных отраслей (в случае отраслевых вузов), не говоря уже о том, что характеристики студенчества, обучающегося в разных университетах, тоже вполне способны влиять на студенческое представительство в них [Kouba, 2018], и сейчас мы говорим лишь об университетах с достаточно селективным приемом. Изучение студенческого представительства может быть продолжено как рассмотрением менее селективных вузов, так и выходом за рамки вузов — в органы регионального значения (студенческие советы городов и регионов), в систему среднего образования и т. д.

Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дает возможность выступать в роли органа университетского студенческого представительства как студенческому совету или объединенному совету обучающихся (за различием в названиях чаще всего не стоит ничего, кроме сложившейся в организации традиции словоупотребления), так и/или университетскому студенческому профсоюзу. Данная работа сконцентрирована на первом типе органов студенческого представительства, но результаты исследования показали, что такое разделение во многих случаях искусственно и одна форма представительства проникает в другую.

Выборку составили 50 университетов (табл. 1). По каждому из них изучены открытые источники информации об органах студенческого представительства — в зависимости от принятой внутренней терминологии, о студенческих советах или объединенных советах обучающихся: страница на сайте университета, страница в социальных сетях, также отдельно рассматривалась страница профсоюзной организации студентов (в тех случаях, когда она есть) в социальных сетях. Анализировались порядок формирования и содержание работы изучаемых органов.

На следующем этапе руководителям органов студенческого представительства (председателям и экс-председателям, заместителям председателей, руководителям иных структур с анало-

Таблица 1. Университеты, вошедшие в выборку исследования

	Университеты
Только анализ общедоступной информации	АГУ, БГНИУ, БашГУ, БФУ им. Канта, ИТМО, КФУ (Казань), КФУ (Симферополь), МАИ, МГИМО, МГТУ им. Баумана, РНИМУ им. Н. И. Пирогова, МИСИС, МИФИ, МЭИ, ННГУ, СПбПУ, РГГУ, РГУ им. Губкина, РЭУ им. Плеханова, НИУ СГУ (Саратов), СВФУ, СКФУ, ТГУ (Томск), ТПУ (Томск), УГАТУ
Анализ общедоступной информации + глубинные интервью	ВГТУ, ВГУ (Воронеж), ДВФУ, КНИТУ, МГУ им. М. В. Ломоносова, МФТИ, НГТУ, НГУ, НИУ ВШЭ, ПГНИУ, ПНИПУ, РАНХиГС, РТУ — МИРЭА, РУДН, Самарский университет, САФУ, ПМГМУ им. И. М. Сеченова, СФУ, Горный университет (Санкт-Петербург), СПбГУ, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», ТюмГУ, УрФУ, ЮрГУ, ЮФУ

Таблица 2. Состав выборки респондентов интервью

	Респонденты интервью
Пол	20 юношей, 5 девушек
Год поступления в вуз	2011–2014 гг. — по 1 человеку 2015–2016, гг. — по 5 человек 2017 г. — 4 человека 2018 г. — 6 человек 2019 г. — 1 человек
Направление обучения	Социально-экономические науки — 13 человек Физико-математические и компьютерные науки — 6 человек Естественные науки — 6 человек

гичным функционалом) всех 50 университетов были направлены приглашения к участию в полуструктурированных интервью. Отклик составил 50%, проведено 25 интервью. Персональные характеристики респондентов представлены в табл. 2.

Каждое интервью строилось на основе гайда, который включал следующие темы: общий бэкграунд респондента, его собственный путь в студенческом представительстве университета, характеристика институтов и практик последнего, личное мнение о структуре отношений в университете и роли студентов в них, взаимоотношения органа студенческого представительства с администрацией университета и с другими внешними и внутренними акторами, значение студенческого представительства для респондента, личные и общественные причины участвовать в студенческом самоуправлении. Отдельно рассматривались отношения представляемого респондентом органа студенческого представительства с местной профсоюзной организацией студентов (где это применимо). Интервью проводилось на онлайн-платформе *Zoom* с записью для последующей

расшифровки текста. Среднее время интервью составило 1 час 34 минуты, минимальное — 55 минут, максимальное — 2 часа 44 минуты.

После расшифровки записей интервью проведен тематический анализ содержания их транскриптов: выделение и обобщение затрагиваемых респондентами тем, оценка сравнительной упоминаемости разных тем. Элементы интервью изначально распределялись на два ключевых блока:

- то, как респонденты описывают процессы формирования органов студенческого представительства в своей организации;
- то, как респонденты описывают функционирование и внутреннее устройство органов студенческого представительства в своей организации.

Далее представлены результаты проведенного качественного исследования — обобщены основные сформулированные респондентами идеи, касающиеся порядка формирования и функционирования студенческих советов и иных органов студенческого представительства.

Как формируются российские органы студенческого представительства

Представить универсальную модель формирования органов студенческого представительства в российских университетах довольно сложно. В многообразии университетских практик можно выделить пять источников, от которых зависит формирование органов студенческого представительства, и конкретная конфигурация этих органов зависит от распределения конечного и ограниченного ресурса влияния между этими источниками. Рассмотрим их более подробно.

Факультеты, институты и иные институциональные единицы, объединяющие студентов по академическому принципу, в том числе менее крупные, вплоть до академических групп. Один из наиболее частых принципов формирования студенческого представительства в университете основан на распределении всех студентов по сообществам в соответствии с их институционально-образовательной принадлежностью: факультет, институт, образовательная программа, академическая группа и др. Технически формирование органов представительства может принимать разные формы — прямых выборов, отчетно-выборной конференции, многоступенчатых выборов с участием старост и т. д. В любом случае представительство студентов затем реализуется в соответствии с их факультетом, образовательной программой, академической группой, и каждый студент формально является включенным в процесс представительства —

не нужно отдельного членства или иного дополнительного подтверждения статуса.

Тематические студенческие организации, в которых состоят и в деятельности которых участвуют студенты. Очень часто студенческое представительство в российских университетах основано на инициативном членстве в организациях, сформированных по общности интересов уже внутри вуза. Такие организации (клубы) по своей первоначальной цели фокусируются на целях самоуправления, а не представительства, но начинают выполнять и функции последнего.

Профсоюзная организация студентов университета на практике может иметь как статус независимого органа студенческого представительства, так и статус части более общего органа студенческого представительства — студенческого совета или объединенного совета обучающихся. Со студенческими организациями профсоюзную организацию частично роднит инициативное членство и, следовательно, отсутствие включения всех студентов в процесс представительства, а с образовательными общностями — некоторые принципы и цели деятельности: изначальная нацеленность не только на самоуправление, но и на представительство, наличие «профбюро» на факультетах и т. д. Система студенческих профсоюзов в университетах чаще всего является прямой наследницей советской системы этих органов. Они существуют не во всех университетах, но достаточно широко представлены в российской системе образования. Против ожиданий, складывающихся исходя из действующего законодательства и некоторых предшествующих исследований, профсоюзы представляют собой скорее не отдельную «ветвь власти» в студенческом представительстве, примерно равную по силе, возможностям и влиянию студсоветам или советам обучающихся, а скорее важную часть соответствующих советов — именно поэтому мы называем их в ряду четырех других «источников» студенческого представительства. Спектр возможных взаимоотношений с остальными участниками студенческого представительства у профсоюзов чрезвычайно широк: от партнерского участия наравне с другими студенческими организациями университета или вместе с представителями факультетов до антагонизма и соперничества за студентов, материальные и административные ресурсы.

Общежития, в которых проживают студенты. Значительная часть студентов живет в общежитиях и нуждается в самоорганизации по месту проживания [Дремова, Щеглова, 2020]. Чаще всего для этого создаются отдельные студенческие советы общежитий. Этот вид студенческого представительства менее распространен, чем рассмотренные выше: в части вузов нет значимого по численности контингента иногородних студентов,

в других вузах общежития принадлежат конкретным факультетам, так что дополнительного к факультетскому представительству не требуется, в некоторых общежитиях советы функционируют в формате студенческой организации.

«Персональная квота» руководства органа студенческого представительства. В некоторых вузах руководство представительных органов имеет право ввести в их состав свою команду, при этом дав ее членам право решающего голоса. Такой порядок распространен не столь широко, как перечисленные выше, но в разных вариациях — от обязательного утверждения рекомендованных руководителем членов представительного органа остальными участниками до полного «всевластия» руководителя — устойчиво встречается.

Перечисленные пять источников формирования органов студенческого представительства совсем не обязательно встречаются во всех университетах и взаимодействуют между собой на единой площадке. Возможна и модель сосуществования, порой антагонистического и конкурирующего за ресурсы и студентов, разных органов, и концентрация всех ролей в рамках органа, образованного на основе одного-двух источников. Устройство, соотношение сил, применяемые названия и терминология обусловлены университетской спецификой. Наиболее сильным влиянием в качестве источников формирования органов студенческого представительства обладают факультеты (или иные академические единицы), студенческие организации и профсоюзы.

Чем занимаются российские органы студенческого представительства

От способа формирования органа представительства зависит, какие люди в него приходят — а значит, и то, чьи интересы они прежде всего представляют и чем преимущественно занимаются.

В табл. 3 приведены ключевые категории внутренней повестки и деятельности органов студенческого представительства в России. Они сгруппированы по частоте упоминания респондентами в интервью: названные подавляющим большинством респондентов (16–17 или больше упоминаний), названные примерно половиной или чуть меньшим числом респондентов (10–12 упоминаний), названные примерно третью респондентов (7–9 упоминаний) и называвшиеся реже, но регулярно (3–5 упоминаний).

Наиболее распространенные сферы функционала. Три наиболее часто встречающиеся функции органов студенческого представительства — это административное взаимодействие внутри университета и соуправление им, информирование студентов

Таблица 3. Сферы функционала российских органов студенческого представительства

Категория	Сферы
1	Бюрократия и формализованное участие в управлении, информирование студентов, культурно-массовая деятельность
2	Качество образования, социально-бытовые условия, стипендии, правовая поддержка, карьера, профориентация
3	Наука, адаптация новых студентов и иностранцев, спорт
4	Старосты, волонтеры, внешние партнеры, абитуриенты, финансы

и публичное взаимодействие с ними, организация культурно-массовых мероприятий для них. Первая функция — ключевая, она заявлена в Федеральном законе «Об образовании» и включает рассмотрение в обязательном порядке местных нормативных актов и решений о применении к студентам дисциплинарных взысканий. Кроме этого, административное взаимодействие внутри университета и соуправление им предусматривает участие в университетских органах управления и комиссиях разного рода, текущее взаимодействие с администрацией университета. Практически во всех университетах органы студенческого представительства взаимодействуют со службами, организующими внеучебную деятельность и/или молодежную политику университета, реже — и с более широким кругом представителей администрации университета по профильным для них вопросам. Взаимодействуют ли студенческие представители с ректором университета, зависит исключительно от установок самого ректора, в этом отношении каждый университет — это особый случай.

Довольно часто студенческий совет, особенно если в нем постоянно участвуют представители студенческих организаций, становится главным агрегатором информации для студентов и организуемых для них мероприятий.

В первую очередь это культурно-творческая деятельность. Работа с первокурсниками, с остальным составом активистов, чтобы привлечь их к социализации, к общественно значимым мероприятиям, к организации, к формированию и совершенствованию своих soft skills. На втором месте стоит информаци-

онная деятельность, ведение групп «ВКонтакте» — получение информации от деканата, от администрации, от председателя совета обучающихся, где студенты узнают о каких-то изменениях, будь то новый приказ о переходе на дистанционку, новый приказ о каких-то стипендиальных штуках, информационное обеспечение по всем происходящим мероприятиям (мужчина, 4-й курс бакалавриата, математические и компьютерные науки).

Сферы функционала, встречающиеся примерно в половине случаев. Чуть реже студенческое представительство занимается вопросами образования, социально-бытовой инфраструктуры вуза, юридической помощью студентам в случаях нарушения их прав внутри университета и вне его, распределением стипендиальных и иных материальных благ, а также карьерными, профориентационными и иными развивающими мероприятиями и программами. Мониторинг качества образования в университете стал в последнее время приоритетным направлением работы органов студенческого представительства, с большой вероятностью он перейдет в первую категорию сфер функционала: наиболее часто респонденты называли в ряду перспективных планов развитие именно этого направления.

Три направления: образование, стипендии и бытовое. Мы активно переезжали в дистанционный режим, собирали жалобы и пытались помогать преподавателям, если это необходимо. Выпускали пособия по дистанционному обучению и инструментам, смотрели, как это происходит на факультетах, и во взаимодействии с администрацией старались исправлять ситуацию. По стипендиальному направлению мы много занимались поддержкой обучающихся, собирали списки на дополнительную материальную помощь, с университетом договаривались на оказание помощи из внебюджетных средств. Что касается бытового направления, поскольку в корпусах у нас практически не было студентов в прошлом году, соответственно работы было меньше. Обычно это такая текущая работа по проблемам каждого учебного корпуса. Один из больших проектов, который мы сделали, — это устройство коворкинга в одном из наших учебных корпусов на месте библиотеки. Мы часто работаем по обращениям студентов, когда у них что-то не так происходит. Студенческие советы факультетов обязательно участвуют в дисциплинарных комиссиях, стипендиальных комиссиях (мужчина, 2-й курс магистратуры, математические и компьютерные науки).

Сферы функционала, встречающиеся примерно в трети случаев. В ряду направлений работы органов студенческого представи-

тельства, имеющих целью развитие научного потенциала студентов, адаптацию в стенах университета первокурсников и иностранцев, а также организацию занятий спортом, с точки зрения потенциала роста выделяется привлечение студентов к научным исследованиям, которое для значительного числа респондентов стало одним из наиболее перспективных направлений развития их органа студенческого самоуправления. Вполне вероятен переход этой сферы деятельности студенческого представительства в более высокую из рассматриваемых категорий.

Все очень долго, плотно занимаются тьюторством над студентами первого курса, это очень сейчас популярно, везде у всех есть эта информация по работе с первокурсниками, очень разная на разных факультетах. Минимально обязательное — первый курс, первый семестр, все там работают. Дальше функция научная, сейчас многим важна популяризация науки и т. д., недавно запустили большой проект. Иностраный блок: любую проблему иностранца мы принимаем, смотрим, помогаем решать (мужчина, 3-й курс бакалавриата, социально-экономические науки).

Сферы функционала, встречающиеся в отдельных кластерах университетов. Некоторые респонденты указывали среди направлений деятельности их органов студенческого представительства координацию работы с системой старост в университете, развитие волонтерского движения, сотрудничество с внешними организациями и партнерами, с абитуриентами вуза, а также проработку финансовой базы функционирования органов студенческого представительства и университетов. Именно последнее направление в рамках этой категории — стремление участвовать в аудите схем финансирования внутри вуза и в их формировании, обеспечивать возможность привлечения внешних (грантовых) средств на деятельность органов студенческого представительства — представляет собой ключевую точку роста в этой категории сфер функционала с потенциалом перехода в более высокую: значительное число респондентов отметили желательность развития в этом направлении.

Характеризуя условия деятельности органов студенческого представительства, многие респонденты особо отмечали две проблемы. Первая — бюрократизация работы студенческого представительства: его участникам приходится тратить много времени не на содержательную работу и отстаивание перед администрацией мнений обучающихся, а на технические и аппаратные функции по правильному оформлению огромного числа документов. Вторая проблема — постоянные запросы администрации вуза на помощь в проведении разнообразных меро-

приятий. В таких условиях орган студенческого представительства фактически становится исполнителем технических функций либо, в лучшем случае, ему «поручают» провести то или иное мероприятие.

Студенческому совету как части формализованной системы университета, чтобы высказать мнение, сначала нужно прописать его на бумаге. Иногда присылают приказы, по которым мы должны высказать свое мнение, а они написаны сухим формальным языком, и у нас даже профильный орган сидит и не понимает, что там написано. Ты можешь потратить много времени, чтобы просто понять, что в бумажках имелось в виду, и в конце узнать, что все неправильно понял. На перевод с юридического на понятный русский язык затрачивается значительное время (женщина, 4-й курс бакалавриата, социально-экономические науки).

Студенческий актив используется университетом под какие-то задачи университета, которые могут быть не до конца интересны студентам, не до конца интересны совету. Подвинуть стол, перенести колонки и т. д. Это тот функционал, который зачастую отпугивал многих людей: вместо того чтобы заниматься смысловой нагрузкой, они занимались физической. При этом отказаться сложно, потому что все хотят сохранять хорошие отношения (мужчина, выпускник, естественные науки).

Таким образом, функционал студенческого представительства сильно обусловлен университетской политикой в его отношении, ее формальными рамками, заданными законодательно, а также порядком взаимодействия, складывающимся на месте. Значимую роль играет и порядок формирования соответствующих органов: если в них большой вес принадлежит студенческим организациям, то можно ожидать приоритетного внимания к информационной и культурно-массовой работе со студентами, а органы студенческого представительства, сформированные по образовательно-институциональному принципу, будут заниматься и другими вопросами. Основной тенденцией в развитии функционала органов студенческого представительства, судя по данным проведенного исследования, является усиление их образовательного и научного потенциала — о желательности именно такой динамики заявляют многие респонденты.

Разумеется, важно учитывать, что исследование проведено на выборке ведущих университетов, а респондентами интервью являются представители руководства их органов студенческого представительства, причем среди них преобладают получившие или получающие образование в области социально-эконо-

мических наук. Распределение мнений о наиболее и наименее распространенных сферах функционала органов студенческого представительства при более широком и массовом охвате университетов могло быть иным. Но представленный здесь набор, скорее всего, практически полностью отражает спектр мнений участников органов студенческого представительства об их деятельности, а значит, вполне годится в качестве первого результата исследования поисково-описательного типа.

Специфика студенческого представительства в России и направления ее дальнейшего исследования

Система студенческого представительства в российских университетах является довольно интересным и самобытным примером глубокой и непосредственной интеграции тематических студенческих сообществ в общую структуру представительства и зачастую замены ими более стандартных в мировой практике прямых выборов [Klemencic, 2020a]. Участники российских органов студенческого представительства значительно реже, чем их коллеги в других странах, являются местными «политиками», лидерами общественного мнения и, наоборот, чаще — руководителями какой-то инициативной деятельности в рамках студенческой организации. Даже в том случае, когда выборы одного лица и проводятся, это практически никак не влияет на систему в целом.

Если в мировом опыте студенческое представительство многовариантно и включает институты социализации и молодежной политики (опыт участия в системе представительства на этом уровне затем помогает выпускникам университетов отстаивать свои права в профессиональной и гражданской жизни), то в России оно в основном имеет статус внутривузовского управленческого института. При этом центральными функциями студенческого представительства в рамках этой управленческой роли чаще всего становятся исполнение требований федерального закона, в том числе бюрократических, по локальным нормативным актам и дисциплинарным взысканиям, участие в работе коллегиальных внутренних органов управления вузом, а также выполнение части университетских процессов — чаще всего культурно-массовой работы или регулярного информирования студентов. Реже это реальное представительство интересов студентов в разработке управленческих решений по образовательным, социально-бытовым, стипендиальным и прочим вопросам.

Управленческая повестка российских органов студенческого представительства, таким образом, значительно сильнее зависит от университетов и их администраций и от установок политики и бюрократии, идущих с еще более высокого уровня, чем от самих студентов. Похожий тренд в функционале студенческо-

го представительства (профессионализация, бюрократизация, отрыв от рядовых студентов — избирателей) сейчас выявляется и в некоторых других странах, и его возникновение исследователи объясняют усиливающейся маркетинговой деятельностью высшего образования [Brooks, Byford, Sela, 2015b].

Анализ мнений респондентов в данном исследовании подтвердил основанное на обзоре предыдущих исследований представление о том, что национальная и университетская специфика — это основные факторы, определяющие характер функционирования системы студенческого представительства. Очень сильное влияние государства на всю систему высшего образования в России определяет изменения и в студенческом представительстве. Закрепление органов студенческого представительства и их типов в федеральном законе, последовательная имплементация разработанных рекомендаций по организации деятельности таких органов, предпринимавшиеся попытки организовать выборность некоторых представителей были частью последовательного политического курса, который радикально трансформировал поле студенческого представительства в 2010-е годы. В рамках разработанной М. Клеменчич классификации национальных подходов к студенческому представительству [Klemencic, 2012] российская система относится к корпоративистской модели и по отдельным параметрам сближается с государство-центристской.

Университетская специфика объясняет, при несомненности общего тренда, все разнообразие сформированного спектра практик студенческого представительства. Принятая в конкретном университете модель студенческого представительства очень сильно зависит от того, насколько сильным является влияние на университет профильного министерства — как формально (является ли министерство учредителем), так и фактически (финансовые отношения и т. д.). Значительная часть университетов следует распределенной модели студенческого представительства, которая объединяет многих акторов с преобладанием среди них студенческих организаций — именно она де-факто зафиксирована в рекомендациях Министерства образования. Модели, сильно отличающиеся от указанной и порой особо акцентирующие выборность на разных уровнях, чаще встречаются в тех университетах, которые не очень сильно зависят от министерства — у них другой учредитель или есть иные причины, обуславливающие особый статус: это МГУ, СПбГУ, МФТИ, НИУ ВШЭ и некоторые другие вузы.

Кроме статуса университета, важны и такие факторы, как намерения и взгляды его руководства и студентов. Немаловажным фактором, определяющим функционал органов студенческого представительства, является его структура: разные источники

формирования этих органов вполне объяснимо способствуют развитию разных типов деятельности (факультеты — приоритету образовательных и социально-бытовых вопросов, студенческие организации — культурно-массовым и информационным направлениям работы). А от практик взаимодействия студентов и администраций университетов зависит закрепление или увядание этих типов деятельности: чем шире представительство с каждой из сторон (когда в нем участвуют не только проректор по молодежной политике с одной стороны и руководитель студсовета — с другой, а множество людей, представляющих разные мнения и занимающихся профильными для них вопросами) и чем регулярнее и продуктивнее их взаимодействие, тем в большей мере функционал органа студенческого представительства будет обретать устойчивость. По классификации вариантов отношения университетов к студенческому представительству [Klemencic, 2014] в администрациях российских вузов преобладает менеджериально-корпоративный и авторитарно-патерналистский подход.

Связь характера деятельности органов студенческого представительства в университете с правилами его формирования и стилем взаимодействия администрации с ним важна с точки зрения образовательной политики. Учитывая приоритетное значение для университета обратной связи от студентов по вопросу качества образовательного процесса, представляется перспективным применение и распространение принципа студенческого представительства, основанного на факультетской или иной образовательной принадлежности студентов (в том числе в сочетании с другими принципами, если они так же важны для задач университета), а также обеспечение регулярного взаимодействия с органами студенческого представительства не только тех лиц в руководстве университетов, кто занимается организацией работы с молодежью, но и непосредственно курирующих образовательный процесс. Свое отражение в структуре органов студенческого представительства могут и должны находить все факторы, влияющие на условия развития университетов, в частности критическая важность общежитий, где проживают студенты, обуславливает необходимость представительства по этому признаку.

Целью проведенного исследования было обобщить сложившийся опыт и пригласить к дальнейшей научной дискуссии о практиках студенческого представительства в России. Новые качественные исследования потребуются, к примеру, для более детального обсуждения государственной политики в данной сфере — у нас есть только осторожные гипотезы о том, чем были вызваны те или иные инициативы. Кроме качественных исследований, безусловно, нужны количественные, которые по-

зволят обеспечить значительно более широкий охват вузов (не только ведущих и селективных) и описать модели студенческого представительства конкретных университетов. Заслуживают внимания и смежные с университетским студенческим представительством темы: студенческий активизм, студенческое представительство во внеуниверситетской среде. Студенты мобильны, студенческое представительство в России постоянно развивается — спектр возможностей его изучения расширяется день ото дня.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность всем участникам интервью за гигантские объемы полученной информации, Центру социологии высшего образования НИУ ВШЭ за неоценимую помощь в ее обработке, а также анонимному рецензенту за очень ценные комментарии по тексту статьи и направлениям дальнейших исследований.

Литература

1. Дремова О. В., Щеглова И. А. (2020) Учебные сообщества на базе общежитий: опыт зарубежных вузов и возможности реализации в России. М.: НИУ ВШЭ.
2. Ефимов Д. Б. (2020) Изучение университетских органов студенческого представительства: состояние, проблемы, перспективы // Университетское управление: практика и анализ. Т. 24. № 3. С. 105–121. doi:10.15826/упра.2020.03.029
3. Попов В. Р. (2009) Студенческое самоуправление: опыт сравнительного историко-социологического анализа // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 2. С. 211–222.
4. Розовски Г. (2015) Университет. Руководство для владельца. М.: Изд. дом ВШЭ.
5. Стегний В. Н. (2016) Студенческое самоуправление глазами студентов // Власть. Т. 24. № 4. С. 169–175.
6. Фатов И. С., Матвиенко Е. В. (2016) Организационные и правовые основы деятельности советов обучающихся. М.: Прондо.
7. Фатов И. С., Куликов С. П., Саруханян М. Г. (2018) Некоторые социолого-политологические аспекты всероссийской переписи советов обучающихся // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 5. С. 71–74. doi:10.23672/SAE.2018.5.14100
8. Шаламова Л. Ф., Фатов И. С. (2014) Социальные и правовые аспекты студенческого самоуправления в России. М.: АИР.
9. Boland J. A. (2005) Student Participation in Shared Governance: A Means of Advancing Democratic Values? // Tertiary Education and Management. Vol. 11. No 3. P. 199–217. doi:10.1007/s11233-005-5099-3
10. Brooks R. (2018) Understanding the Higher Education Student in Europe: A Comparative Analysis // Compare: A Journal of Comparative and International Education. Vol. 48. No 4. P. 500–517. doi:10.1080/03057925.2017.1318047
11. Brooks R., Byford K., Sela K. (2015a) Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks // Journal of Youth Studies. Vol. 18. No 9. P. 1204–1218. doi:10.1080/13676261.2015.1039971
12. Brooks R., Byford K., Sela K. (2015b) The Changing Role of Students' Unions within Contemporary Higher Education // Journal of Education Policy. Vol. 30. No 2. P. 165–181. doi:10.1080/02680939.2014.924562

13. Chirikov I. (2016) Do Russian Research Universities Have a Secret Mission? A Response to Forrat // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. No 4. P. 338–344. doi:10.1080/1060586X.2015.1083160
14. Chirikov I., Gruzdev I. (2014) Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia // *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No 3. P. 455–469. doi:10.1080/03075079.2014.896181
15. Forrat N. (2016) The Political Economy of Russian Higher Education: Why Does Putin Support Research Universities? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. No 4. P. 299–337. doi:10.1080/1060586X.2015.1051749
16. Klemenčič M. (2020a) Student Governments // P. Teixeira, J. Shin (eds) *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. Dordrecht: Springer. P. 1–6. doi:10.1007/978-94-017-9553-1_614-1
17. Klemenčič M. (2020b) Student Politics // P. Teixeira, J. Shin (eds) *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions*. Dordrecht: Springer. P. 1–6. doi:10.1007/978-94-017-9553-1_618-2
18. Klemenčič M. (2014) Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organising // *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No 3. P. 396–411. doi:10.1080/03075079.2014.896177
19. Klemenčič M. (2012) Student Representation in Western Europe: Introduction to the Special Issue // *European Journal of Higher Education*. Vol. 2. No 1. P. 2–19. doi:10.1080/21568235.2012.695058
20. Kouba K. (2018) Determinants of Student Participation in Higher Education Governance: The Case of Student Turnout in Academic Senate Elections in Czechia // *Higher Education*. Vol. 76. No 1. P. 67–84.
21. Lewis K. M., Rice T. W. (2005) Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections // *PS: Political Science and Politics*. Vol. 38. Iss. 4. P. 723–729. doi:https://doi.org/10.1017/S1049096505050201
22. Luescher-Mamashela T.M. (2013) Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? // *Studies in Higher Education*. Vol. 38. No 10. P. 1442–1456. doi:10.1080/03075079.2011.625496
23. Luescher-Mamashela T.M., Mugume T. (2014) Student Representation and Multiparty Politics in African Higher Education // *Studies in Higher Education*. Vol. 39. No 3. P. 500–515. doi:10.1080/03075079.2014.896183
24. Raaper R. (2020) Constructing Political Subjectivity: The Perspectives of Sabbatical Officers from English Students' Unions // *Higher Education*. Vol. 79. No 1. P. 141–157. doi:10.1007/s10734-019-00400-9
25. Rowlands J. (2017) *Academic Governance in the Contemporary University*. Singapore: Springer. doi:10.1007/978-981-10-2688-1

References

- Boland J.A. (2005) Student Participation in Shared Governance: A Means of Advancing Democratic Values? *Tertiary Education and Management*, vol. 11, no 3, pp. 199–217. doi:10.1007/s11233-005-5099-3
- Brooks R. (2018) Understanding the Higher Education Student in Europe: A Comparative Analysis. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, vol. 48, no 4, pp. 500–517. doi:10.1080/03057925.2017.1318047
- Brooks R., Byford K., Sela K. (2015a) Inequalities in Students' Union Leadership: The Role of Social Networks. *Journal of Youth Studies*, vol. 18, no 9, pp. 1204–1218. doi:10.1080/13676261.2015.1039971
- Brooks R., Byford K., Sela K. (2015b) The Changing Role of Students' Unions within Contemporary Higher Education. *Journal of Education Policy*, vol. 30, no 2, pp. 165–181. doi:10.1080/02680939.2014.924562
- Chirikov I. (2016) Do Russian Research Universities Have a Secret Mission? A Response to Forrat. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 4, pp. 338–344. doi:10.1080/1060586X.2015.1083160

- Chirikov I., Gruzdev I. (2014) Back in the USSR: Path Dependence Effects in Student Representation in Russia. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 455–469. doi:10.1080/03075079.2014.896181
- Dremova O. V., Shcheglova I. A. (2020) *Uchebnye soobshchestva na baze obshchezhitiy: opyt zarubezhnykh vuzov i vozmozhnosti realizatsii v Rossii* [Living Learning Communities: Experience of Foreign Universities and Possibilities for the Implementation in Russia]. Moscow: HSE.
- Efimov D. B. (2020) Izuchenie universitetskikh organov studencheskogo predstavitel'stva: sostoyanie, problem, perspektivy [Research of Student Representation Bodies in Universities: Current State, Problems and Prospects]. *University Management: Practice and Analysis*, vol. 24, no 3, pp. 105–121. doi:10.15826/umpa.2020.03.029
- Fatov I. S., Kulikov S. P., Sarukhanyan M. G. (2018) Nekotorye sotsiologo-politologicheskie aspekty vs Rossiyskoy perepisi sovetov obuchayushchikhsya [Some Socio-Political Science Aspects of the All-Russian Census of Student Councils]. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, no 5, pp. 71–74. doi:10.23672/SAE.2018.5.14100
- Fatov I. S., Matvienko E. V. (2016) *Organizatsionnye i pravovye osnovy deyatel'nosti sovetov obuchayushchikhsya* [Organizational and Legal Basis for the Activities of Student Councils]. Moscow: Prondo.
- Forrat N. (2016) The Political Economy of Russian Higher Education: Why Does Putin Support Research Universities? *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 4, pp. 299–337. doi:10.1080/1060586X.2015.1051749
- Klemenčič M. (2020a) Student Governments. *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions* (eds P. Teixeira, J. Shin), Dordrecht: Springer, pp. 1–6. doi:10.1007/978-94-017-9553-1_614-1
- Klemenčič M. (2020b) Student Politics. *Encyclopedia of International Higher Education Systems and Institutions* (eds P. Teixeira, J. Shin), Dordrecht: Springer, pp. 1–6. doi:10.1007/978-94-017-9553-1_618-2
- Klemenčič M. (2014) Student Power in a Global Perspective and Contemporary Trends in Student Organising. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 396–411. doi:10.1080/03075079.2014.896177
- Klemenčič M. (2012) Student Representation in Western Europe: Introduction to the Special Issue. *European Journal of Higher Education*, vol. 2, no 1, pp. 2–19. doi:10.1080/21568235.2012.695058
- Kouba K. (2018) Determinants of Student Participation in Higher Education Governance: The Case of Student Turnout in Academic Senate Elections in Czechia. *Higher Education*, vol. 76, no 1, pp. 67–84.
- Lewis K. M., Rice T. W. (2005) Voter Turnout in Undergraduate Student Government Elections. *PS: Political Science and Politics*, vol. 38, iss. 4, pp. 723–729. doi:https://doi.org/10.1017/S1049096505050201
- Luescher-Mamashela T. M. (2013) Student Representation in University Decision Making: Good Reasons, a New Lens? *Studies in Higher Education*, vol. 38, no 10, pp. 1442–1456. doi:10.1080/03075079.2011.625496
- Luescher-Mamashela T. M., Mugume T. (2014) Student Representation and Multi-party Politics in African Higher Education. *Studies in Higher Education*, vol. 39, no 3, pp. 500–515. doi:10.1080/03075079.2014.896183
- Popov V. (2009) Studencheskoe samoupravlenie: opyt sravnitel'nogo istoriko-sotsiologicheskogo analiza [Student Self-Governance: An Attempt at a Comparative Socio-Historical Analysis]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 211–222.
- Raaper R. (2020) Constructing Political Subjectivity: The Perspectives of Sabbatical Officers from English Students' Unions. *Higher Education*, vol. 79, no 1, pp. 141–157. doi:10.1007/s10734-019-00400-9
- Rosovski H. (2015) *Universitet. Rukovodstvo dlya vladel'tsa* [The University. An Owner's Manual]. Moscow: HSE.

- Rowlands J. (2017) *Academic Governance in the Contemporary University*. Singapore: Springer. doi:10.1007/978-981-10-2688-1
- Shalamova L. F., Fatov I. S. (2014) *Sotsial'nye i pravovye aspekty studencheskogo samoupravleniya v Rossii* [Social and Legal Aspects of Student Self-Government in Russia]. Moscow: AIR.
- Steniy V. N. (2016) Studencheskoe samoupravlenie glazami studentov [Students' View on the Student Self-Government]. *The Authority*, vol. 24, no 4, pp. 169–175.